

А нам можно?

Мурзилка

№3
МАРТ
1941
ГОД ИЗДАНИЯ
СЕМНАДЦАТЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

БУДЬТЕ ТАКИМИ!

Пламенная бесстрашная коммунистка Клара Цеткин всегда была в первых рядах бойцов за социализм. Это она организовала празднование первого Международного коммунистического женского дня, который ежегодно отмечается 8 марта трудящимися всего мира.

Одна из старейших большевичек, Надежда Константиновна Крупская — самый близкий друг и боевой товарищ В. И. Ленина. Надежда Константиновна отдала все свои силы, всю свою жизнь делу народного образования, делу партии Ленина — Сталина.

Ни одна летчица мира не летала дальше Героя Советского Союза Полины Осипенко, которая вместе с Гризодубовой и Расковой пролетела без посадки около шести тысяч километров на самолете „Родина". Ее героические победы в воздухе — пример мужества и бесстрашия.

РАБОТАЙТЕ ТАК!

Зинаида Петровна Троицкая — первая женщина-машинист паровоза. Теперь она — начальник Московской Окружной железной дороги. Правительство наградило ее орденом Ленина. Спокойно и деловито управляет она дорогой, по которой проходят тысячи товарных вагонов с грузами для жителей красной столицы.

Марию Софроновну Демченко зовут первой пятисотницей. Это она обещала товарищу Сталину снять пятьсот центнеров урожая свеклы с каждого гектара. Целых три вагона свеклы! И сдержала свое комсомольское слово. Сегодня Мария Демченко — депутат Верховного Совета СССР и студентка Сельскохозяйственного института.

Это — Ольга Федоровна Леонова, заслуженная учительница РСФСР. Тысячи ее учеников теперь уже выросли, стали инженерами, летчиками, рабочими. Как лучшую учительницу Москвы, народ избрал О. Ф. Леонову депутатом Верховного Совета СССР. Сейчас она работает директором московской школы № 175.

На обложке рисунок А. Брея.

Рассказ пулеметчицы

М. Попова

Рисунок В. Житенева

ПИЛА я однажды с Василием Ивановичем Чапаевым чай. Дело было в Уфе. Вдруг Василий Иванович меня спрашивает:

— Скажи мне по секрету, страшно тебе в бою или не страшно?

— Страшно, Василий Иванович, очень страшно, — ответила я и рассказала ему то, о чем хочу и вам, ребята, рассказать.

Нас, женщин, в то время в армии было не так уж много. И должны мы были показывать всем пример храбрости. Я так думала: «От пули никуда не убежишь. Пуля тебя догонит и перегонит. Если в бою мужчина побежит из окопа, его могут и не заметить, а стоит женщине не только что побежать, а оглянуться, заметят непременно, и пойдет рассказ про то, как я струсила». И еще была у нас общая для всех — и для женщин и для мужчин — гордость: чапаевцы!

И старались мы свой страх прятать как можно дальше, гнать его от себя.

Рассказала я тогда Василию Ивановичу про свое детство, как я с матерью жила на хуторе у кулака, где моя мать батрачила, а у хозяев был здоровенный сын Николай лет восемнадцати, и как этот Николай пугал лягушками всех нас, хуторских ребят. Не было ему бóльшего удовольствия, чем маленьких ребят до слез доводить.

И вот я так решила: раз его лягушки не кусают, значит и меня не тронут и я могу их взять в руки. И взяла... Взяла маленького лягушонка. Запищал он — это я его, верно, от волнения сдавила. Тогда я поймала двух больших, принесла к Николаю, показываю. А он и говорит:

— Ты не боишься?

— Нет.

— А раз не боишься, мне неинтересно.

А я боялась и даже очень, только всю свою храбрость собрала и держу лягушек в руках.

Вот рассказала я все это Чапаеву. Он мне вдруг говорит:

— Правду ты сказала. И Чапаеву тоже страшно бывает. Но должен он страх свой преодолевать. А не страшно одному нашему Касьяну. Ему все нипочем!

Это у нас в конной разведке был такой. Вид у него залихватский, шашка косая, шапка набекрень, и чуб напомаженный из-под нее торчит. Герой! В бою мы его не видали никогда. А как бой кончается, наш Коська сейчас же выскакивает вперед, носится на коне, шашка наголо, и всем кричит, что он пятерых беляков насмерть зарубил.

Конечно, сидеть под кусточком в бою, конца дожидаться ему не страшно было.

С пулеметом пришлось мне познакомиться в 1918 году, в боях под Самарой. Белые ударили из артиллерии, наши пулеметчики были убиты наповал; командир отряда сам взялся за один из «максимов», а меня послал к другому. Так я и стала пулеметчицей. Надо вам сказать, что полюбила эту машину. Сколько она, родимая, нашей жизни сберегла!

В 1919 году после взятия города Белебея наша дивизия двигалась к Уфе.

Однажды был долгий бой. Мой «максим» — пулемет — работал очень четко. И вот тогда в кожухе вдруг закипела вода. Как быть? Надо подлить воды для охлаждения. А бежать за водой некому. А тут помощник мой любимый, наш старик Провоторохов, кричит:

— Патронов нет и нечем ленты набивать!

Беда!

И в эту секунду, как всегда в опасности, из-под горы показалась родная для всех нас, чудесная развевающаяся бурка Чапаева. Это он вместе с 25-м отдельным кавалерийским полком шел наперерез врагу. Наша цепь выскочила и бросилась за Василием Ивановичем вперед. И старик Провоторохов пошел на белых с криком «ура».

Много можно рассказывать про Чапаева. Но я хочу вам сказать, как он меня грамоте научил. Я, когда у него в отряде была, даже подписываться не умела. Учиться при царе мне не пришлось. Не так жили бедняки, чтобы детей своих грамоте учить. А у Чапаева бойцы должны быть грамотными. Вот Василий Иванович мне и говорит:

— Давай я тебя подписываться-то научу!

И штыком на песке написал мою фамилию: «Попова».

Я тоже штыком срисовала ее. С тех пор бывало, где ни увижу ровный песок, всюду подписываюсь: «Попова», «Попова», «Попова»... Чапаев это увидел.

— Довольно тебе на песке штыком писать. Давай учиться писать по-настоящему, — и дал мне карандаш и бумагу.

Когда кончилась гражданская война, я в дивизии научилась писать и читать. Потом я поступила на рабфак. После окончания рабфака я пошла учиться в высшее учебное заведение — 1-й Московский государственный университет. И кончила его на «отлично».

Но пулемет, из которого в гражданскую войну я била по врагу, не забыла. И сейчас, если мне приходится иногда рассказывать ребятам о Чапаеве и о гражданской войне, то ребята узнают во мне ту «пулеметчицу Анку», которую они видели в кино. Вот почему это свое сочинение я назвала «Рассказ пулеметчицы».

Наша улица

Е. Трутнева

Наша улица над Волгой,
У густого бора.
На трамвае очень долго
Надо ехать в город.
Постоянно к нам с реки
Залетают ветерки,
И всегда над нами вьются,
Кувыркаются змейки.
В нашей улице весной
Пахнет дегтем и сосной,
И черемуховым цветом,
И кукушек много летом,
И у каждого крыльца
Есть скворечник для скворца.

ШИНЕЛЬ

Я. Тайц *Рисунок Б. Винокурова*

Ольга Филипповна работает на фабрике «Красная швея». А по вечерам обшивает еще ребят нашего поселка. А по воскресеньям пишет письма сыну-красноармейцу.

Вот недавно она захворала. Сыну не стала писать. Но соседи все-таки написали ему. Вот он взял у командира отпуск, поехал...

А тут у Ольги Филипповны собралось много ребят. Все нарядные, разодетые, и все это шито руками Ольги Филипповны.

И вот в комнату входит какой-то военный.

Дети сразу окружили его, спрашивают:

— Вы к кому, товарищ командир?

А военный легонько рукой раздвинул ребят и, звеня шпорами, подошел к Ольге Филипповне и взял под козырек:

— Явился в ваше распоряжение ваш сын кавалерист Петров Сергей!

Ольга Филипповна поднялась, обняла сына, засмеялась:

— Зачем прискакал, Петров Сергей? Ведь я уже поправляюсь!

Она поцеловала его в щеку:

— А все-таки...

И в другую щеку:

— ...хорошо...

И в губы:

— ...что ты приехал!

Потом он присел в ногах на краешек кровати и показал на ребят:

— А это что за рота здесь выстроилась?

— Это все мои «заказчики», — сказала Ольга Филипповна, — пришли вот проведать меня... Ну что же ты, раздевайся!

Он звякнул ремнем, снял шинель. Вдруг Ольга Филипповна сказала:

— Дай-ка шинель!

Тонкими пальцами она пощупала длинную кавалерийскую шинель, посмотрела с изнанки, потрогала парусиновую подкладку и стала разбирать на ней печать:

— «Крас-на-я шве-я»...

— Пыльная она, — сказал сын, — я ее на вешалку.

Но Ольга Филипповна не отдавала:

— Постой! Принесите-ка мне очки!

Ребята, толкаясь и вырывая друг у друга футляр, подали ей очки.

— Так и есть, — сказала Ольга Филипповна, разглядывая печати на подкладке, — вот и номер: двести восемь.

Она сняла очки, подняла голову, глаза ее заблестели:

— Сережа, ведь это номер моей бригады... Ведь это я шила твою шинель...

Сергей стал разглядывать свою покрытую пылью шинель, будто никогда не видел. И все ребята тоже кинулись смотреть на шинель, которую шила Ольга Филипповна.

Вернувшись в эскадрон, Сергей посмотрел шинели у товарищей. У всех на подкладке была та же печать и тот же номер: 208.

Скоро Ольга Филипповна получила письмо.

«ШИНЕЛИ ВАШИ ТЕПЛЫЕ, — писали Сережины товарищи, — А СЕЙЧАС ОНИ НАМ ВРОДЕ ЕЩЕ ТЕПЛЕЙ СТАЛИ. БОЕВОЙ ПРИВЕТ НОМЕРУ ДВЕСТИ ВОСЕМЬ, БОЕВОЙ ПРИВЕТ «КРАСНОЙ ШВЕЕ»!»

Письмо было без марки — красноармейское.

А. Трофимова

Рисунок Е. Афанасьевой

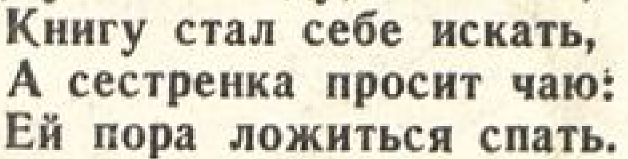
СЕСТРЕНКА

Барабанит дождь в окошко,
Дверь входная на цепочке.
На ковре сестренка с кошкой
Заигралась в уголочке.

Я хожу по коридору,
Как дежурный на часах.
Мамы нет, придет не скоро.
Папа плавает в морях.

Целый вечер я за маму
Убирал, посуду мыл,
Для сестренки каши манной,
Вкусной каши наварил.

Сделал ей линкор бумажный,
Дал ей краски и тетрадку.
Ничего теперь не скажешь,
Все как будто бы в порядке.

Думал — сяду, почитаю,
Книгу стал себе искать,
А сестренка просит чаю:
Ей пора ложиться спать.

Стали узенькими глазки,
Голосок плаксивый, сонный,
Фартук в пятнах, щеки в краске,
Съехал набок бант зеленый.

На нее смотреть забавно:
Настоящий папуас!
В книжке я читал недавно
Про таких людей рассказ.

Стал бы вдруг диван баркасом,
Я поплыл бы к папуасам.
Дети там не просят чаю,
Сами тихо засыпают.

Не готовят там уроки,
Не бубнят дожди в окошко.
Там над морем лес высокий
И звериная дорожка.

Я иду, иду дорожкой,
Вдруг сестра зовет из ванной:
— Посмотри-ка, наша кошка
Умывается под краном.

Я шепчу ей: — Не мешай,
Здесь на ветке попугай. —
А сестра не понимает,
Ей три года будет в мае.

Полотенце я снимаю,
Мыло детское беру,
Хорошенько умываю
Папуасскую сестру.

— Ну, чего еще ты хочешь?
Ты похожа на цветочек,
Ты, как стеклышко, светла.
Сядь на стульчик у стола.

Подвяжу тебе салфетку
Белым бантом на затылке.
Не хватай рукой котлетку,
А бери спокойно вилкой.

Съешь печенье, выпей чаю
И скорей расти большая.

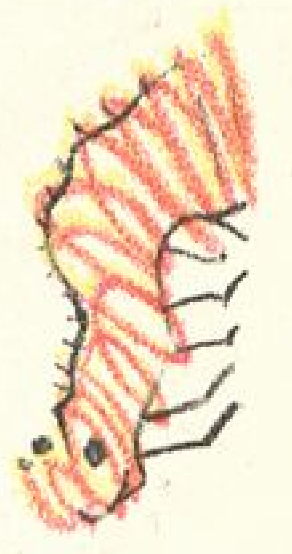

Причесал ее гребенкой,
Обещал ежа достать,
Уложил свою сестренку
Вместе с куклой на кровать.

— Спи, сестренка, засыпай,
Скоро будет Первомай;
Я тебе куплю флажок,
Если ляжешь на бочок.

Спи, не надо ночью плакать.
Надоела мне девчонка!
Мне б ученую собаку
Или лучше медвежонка.

Спи, я песенку пою:
Баю, баюшки, баю...

Анна Гарф и Павел Кучияк *Рисунки В. Константинова*

ТРЕТЬЯ СЕСТРА

(Ойротская сказка)

Далеко-далеко, там, где девять быстрых рек в один мощный поток слились у подножья девяти гор, давным-давно шумел могучими ветвями черный кедр. Под его шелковой хвоей, опершись на его крепкий ствол, стоял маленький шалаш.

В том шалаше жил пожелтевший от старости, словно дымом окуренный дед. И было у старика три внучки, одна другой краше.

Вот пошел дед за дровами. Поднялся на лесистую гору, увидел гнилую лиственницу.

— Это дерево на корню высохло. Один раз ударь — оно и упадет.

Вытащил старик из-за пояса острый, как молодой месяц, топор, стукнул лезвием по гнилому стволу. Тут вдруг, откуда ни возьмись, выскочил черный пес да как вцепится зубами в руку! Старик уронил топор.

— Ой, ой! — заплакал он. — Отпусти, отпусти меня, черный пес! Я тебе что хочешь дам.

— Ладно, — отвечает пес человечьим голосом. — Давай мне твою любимую внучку, я на ней женюсь.

Пришел старик домой и говорит старшей внучке:

— Не пойдешь ли ты за этого зверя?

Оглянулась девушка, увидела черную мохнатую собаку.

— Лучше, — говорит, — в воду брошусь!

Старик спросил вторую.

— Лучше удавлюсь! — ответила та.

Встал дед, обнял третью:

— Ты, Ак-чачак, не согласишься ли? Я ему слово дал.

Младшая внучка подняла голову. Ее круглые глаза полны слез.

— Хорошо, пойду, куда собака поведет.

И пошла Ак-чачак, куда собака шла: по долинам, по холмам, через реки, сквозь леса.

И пришли они в золотую долину, где лиственницы зеленеют, где светлый ключ безумолку стрекочет, где кукушка кукует весь год.

И на краю золотой долины, под боком у синей горы, увидела Ак-чачак семь сопок прозрачных, словно вечно-голубой лед. Пес подошел к средней сопке, ударил лапой по камню, распахнулась золотая дверь.

Ак-чачак вошла в белый высокий дворец. На столах в расписных чашках лежала лучшая пища. На стенах висели двухструнные гитары — топшууры и тростниковые свирели — шооры, они сами собой звенели и пели, помогая невидимым певцам.

Так совсем одна стала жить Ак-чачак в сопке, голубой как лед. Снаружи у дверей черный пес лежит, сторожит ее день и ночь.

Но если бы и не сторожил ее пес, все равно б Ак-чачак никуда не ушла. Слово свое нарушить Ак-чачак не хотела.

Шли дни, недели, месяцы. Ей, такой веселой, не с кем было повеселиться, такой разговорчивой — думы свои рассказать некому.

А старшие внучки вышли замуж за хороших людей, и захотелось им прове-

дать свою маленькую Ак-чачак.

— Если умерла она, мы хоть над телом ее холодным поплачем. Если жива, напоим, накормим, приласкаем ее.

И вот сестры положили жареное мясо в кожаный мешок, в большие мехи налили теплое вино; сели на коней и поехали.

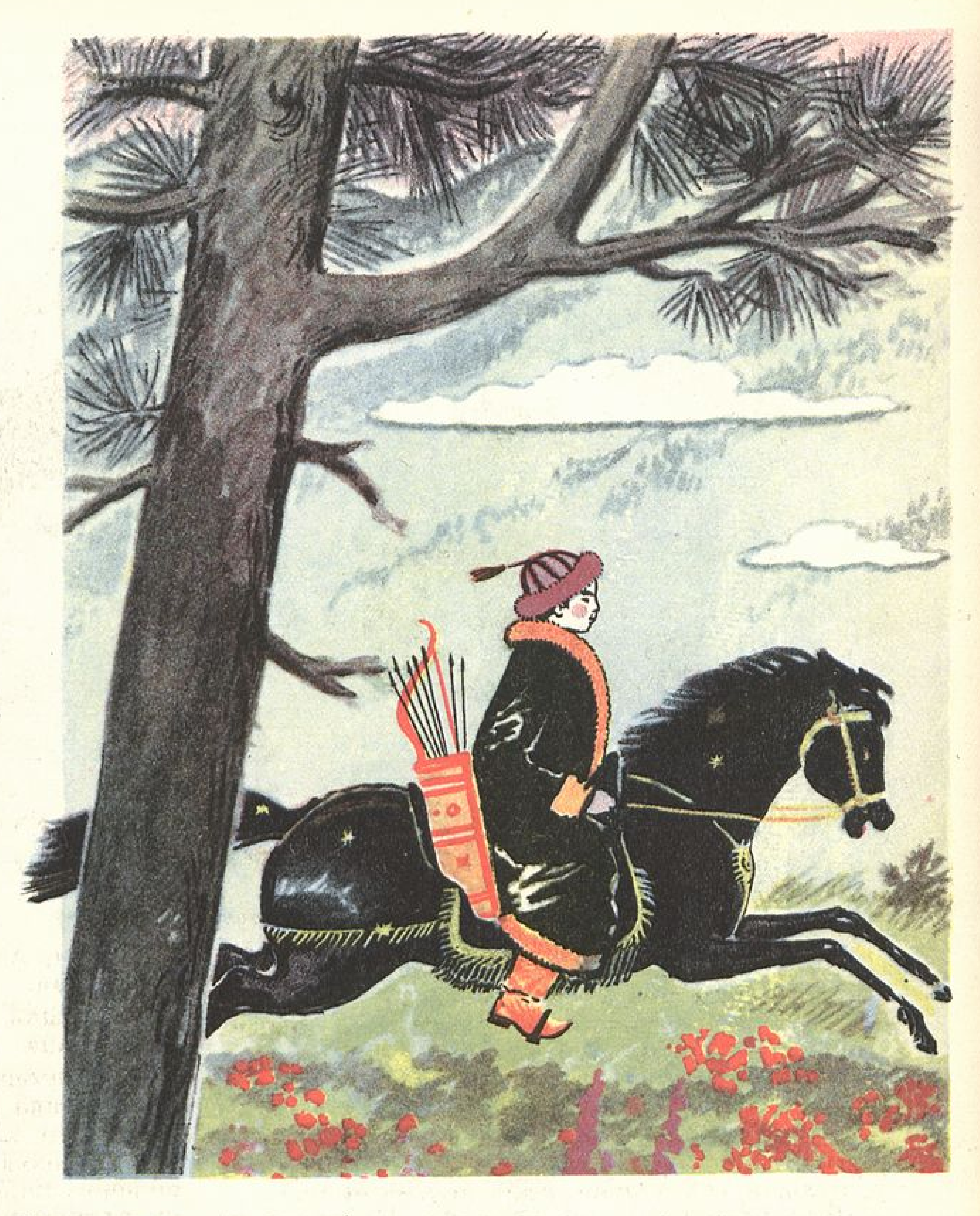
За девять рек, за девять гор услышал черный пес топот копыт. Увидал черный пес двух сестер. Ударил лапой по камню. И вот вместо голубой сопки стоит грязный шалаш. На голой земле облезлые шкуры. Обглоданные кости лежат вместо еды. Перед костром стоит деревянная чашка с мутной водой.

На сытых иноходцах, в шелковых шубах подъехали сестры. Волнистые золотые и серебряные кисти трепетали на сбруе их коней.

Вышла Ак-чачак из шалаша, низко-низко сестрам своим поклонилась.

— Милая ты наша сестренка, — заплакали гости, — не нужно было старика слушать, не надо было итти за черного пса. Подошло бы твое время, и ты устроила бы свою жизнь не хуже нас. Да и теперь еще не поздно — едем с нами, дитя.

Ак-чачак на пса посмотрела — старика-деда вспомнила. И не сказала она своим сестрам ни одного жалобного слова, ни одна слеза не упала на щеку. Все трое выпили привезенное вино, поели мясо, и сестры сели на коней.

— Эх, несчастная Ак-чачак! Видно, гордость твоя заставит тебя умереть в этом шалаше. Отданная собаке, ты не хочешь показаться людям. Лучше б не ездили мы к тебе, лучше б этого грязного шалаша не видели!

Только уехали сестры, как ударил пес лапой по камню — исчез шалаш, все попрежнему стало.

Вскоре хан той земли задумал женить своего старшего сына. Во все концы разослал он проворных гонцов. Всем людям велел притти на свадебный пир в новых шубах. Даже Ак-чачак услыхала об этом празднике, даже Ак-чачак получила приглашение на пир.

Заплакала она, в первый раз застонала. Черный пес встал с порога и заговорил человечьим голосом:

— Долго думал я, моя верная Ак-чачак, чем тебя одарить, как тебя наградить. — Положил к ее ногам золотой ключ. — Открой этот большой сундук!

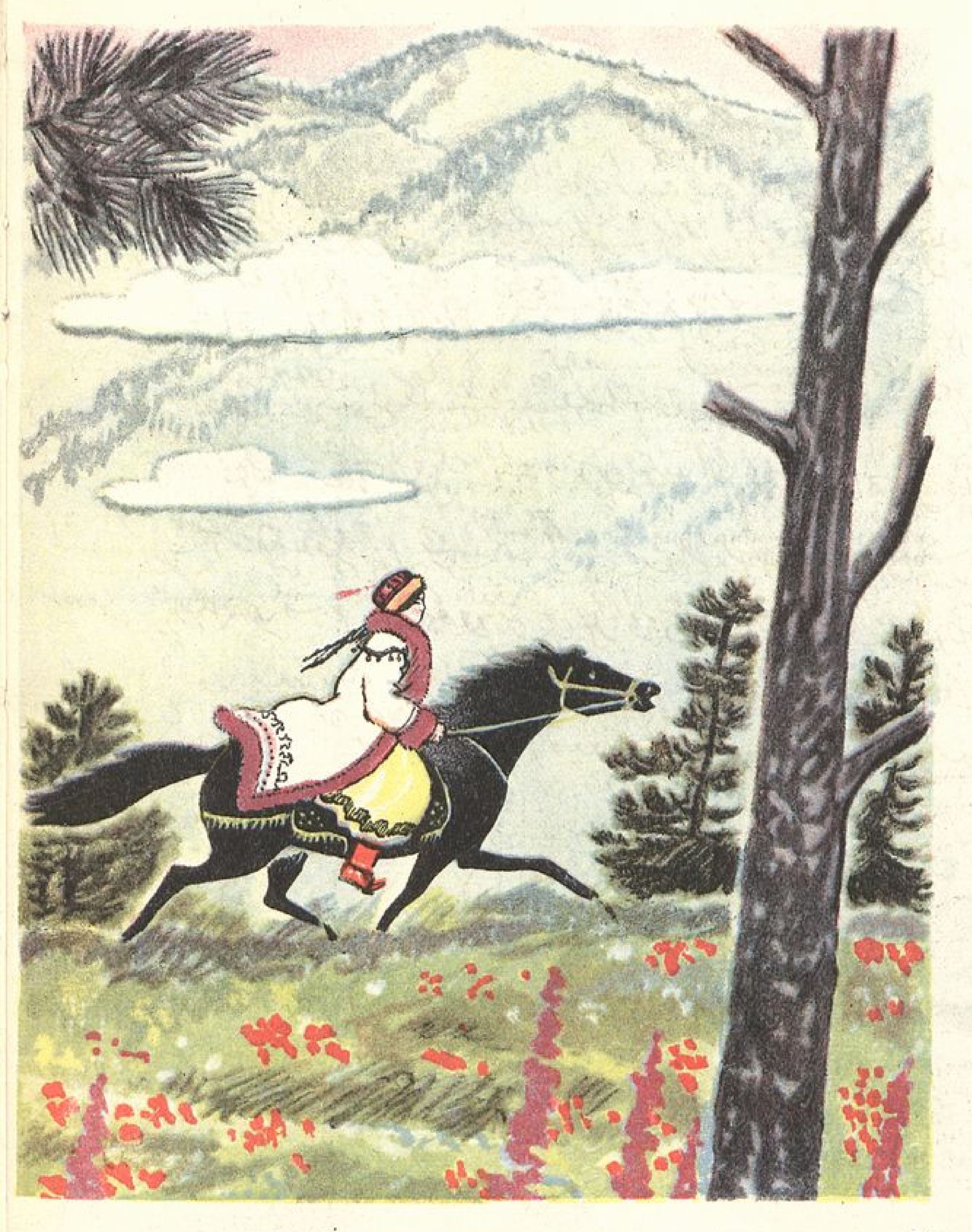
Золотым ключом Ак-чачак открыла алмазный замок. Щелкнула крышка. Словно кедровые орехи, насыпаны в сундуке серебряные и золотые украшения. От блеска драгоценных камней зажмурилась Ак-чачак. Потом опустила руки в сундук — будто в белой пене утонули руки в мягких одеждах.

Ак-чачак долго одевалась, выбирая. Но и без выбора если бы она оделась, все равно прекраснее ее никого нет на земле.

Опять отворилась дверь. Вошел пес. В зубах у него шитый золотом повод. Ак-чачак взяла повод в левую руку, переступила через порог и видит: жемчугом украшена узда, молочным блеском сияет серебряное седло, шелковые и жемчужные кисти висят до земли. Бархатно-вороной конь перед Ак-чачак на передние колени пал, на дыбы он встал, опустился на четыре копыта и ждет.

На его черном хвосте мерцают золотые звезды.

В одежде белой, как раннее утро, Ак-чачак

быстро-быстро поскакала на черно-бархатном коне. Вот перевалила она через высокие горы, перешла частые реки, и слышит Ак-чачак позади себя топот копыт, и слышит Ак-чачак — мужской голос, густой и низкий, поет мягкую песню. Обернулась Ак-чачак — на вороном иноходце в черной шелковой шубе, в собольей шапке едет молодой человек. Лицо у него круглое и розовое, черные брови его красоты неописанной.

— Якши-ба? Как живете? — поздоровался всадник.

— Якши. Слерде, якши-ба? Хорошо живу. Как вы поживаете? — отвечает Ак-чачак, а сама слов своих не слышит.

Сердце ее будто иголкой проколото, по коже мороз пробежал: „Почему не он мой муж?“

Вместе они приехали на великий пир. Женщины на молодого человека смотрят не мигая, из тапши-таза мясо вынуть позабыли, чашки с вином стынут в руках. Мужчины на Ак-чачак не дыша глядят. Погасли их трубки, только что сочиненные песни они позабыли.

Сын хана первую чашку вина у своей невесты из рук взял, но увидел он Ак-чачак — и вино из опрокинутой чашки на пол пролилось.

А дед и обе сестры Ак-чачак тоже были на этом пиру, тоже молодого человека увидели.

— Если бы наша милая Ак-чачак не пошла в жены к собаке, вот этот парень был бы ей подходящий жених, — сказала первая сестра второй.

— Если бы на этом пиру наша Ак-чачак была, она бы и сама уйти от пса захотела, — отвечала вторая сестра первой.

Солнце садится за гору. Ак-чачак садится на бархатно-вороного коня. Повод к себе потянула, два раза тихонько оглянулась, оба раза на молодого человека посмотрела.

Вот уж проехала Ак-чачак половину пути и опять услыхала топот копыт, и опять тот же голос, мягкий и густой, поет мужскую песню.

— Хорошо ли вы время провели? — слышит Ак-чачак вопрос юноши.

Нежное лицо ее стало белым, как сухое дерево. Сло́ва сказать не может и даже повод уронила. Так ехали они рядом совсем молча. Он в шубе из черного шелка, она в одежде белой, как пена.

— Зачем вы меня догоняете? — прошептала наконец Ак-чачак.

Молодой человек тут же осадил своего иноходца и, резко повернув его, ускакал.

Ак-чачак ни разу назад не взглянула. У голубой сопки с золотой дверью она спешилась.

— Здравствуй! — говорит ей черный пес человечьим голосом. — Хороший ли праздник был? Каких людей видела там? Кто тебе понравился больше всех?

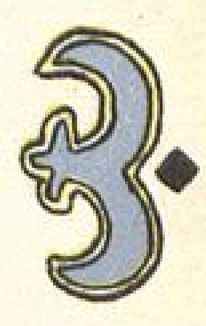
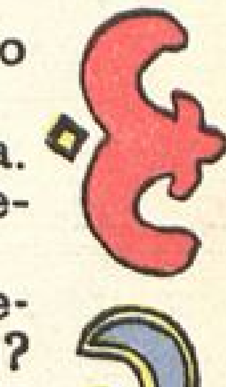
Ак-чачак будто немая стоит. Потом, медленно закрыв глаза, она тихо ответила:

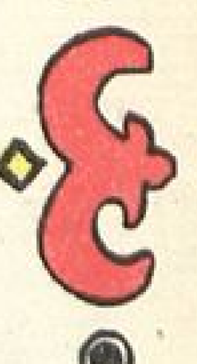
— У большого хана на великом пиру я только одного человека видела: он ездит на вороном иноходце, носит шубу черного шелка, соболья шапка на голове у него.

Черный пес встряхнулся. Со звоном упала черная шкура. Тот, на кого весь день смотрела, стоит здесь — это всадник, скакавший на вороном иноходце, самый сильный на Алтае богатырь Катан-Коо.

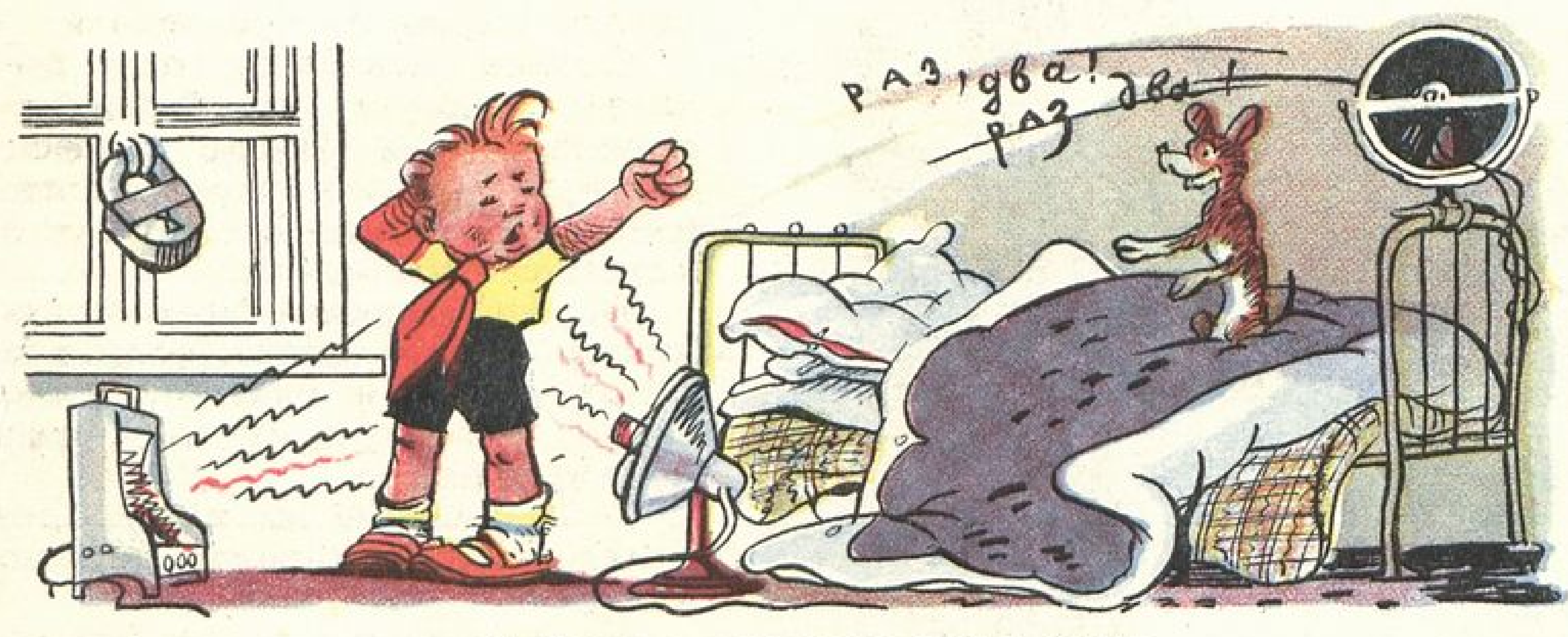

— Умею ли я? Что за вопрос! Уж не хотят ли девчонки поучить меня, Мурзилку, как надо умываться, убирать постель, мыть посуду... Я и так всё умею. Вот поглядите!..

1. Так я умываюсь утром. Вода, разумеется, как суп, тепленькая. Терпеть не могу холодной! Бр-р-р!... За ушами я мыть не собираюсь. Зачем? Там же все равно не видно. А зубы я чищу языком, так что щетки мне не надо.

2. Можете посмотреть, как я делаю физкультурную зарядку. Главное тут — не простудиться! Потому что я так размахиваю руками, что у меня в ушах ветер свистит. И одеваться надо потеплей. А то еще продует!

3. Могу угостить вас. Я состряпал вам яичницу. У кого печка, а у меня свечка. Раз, два — и готово! Не обращайте внимания на мух. Я их не боюсь. Они не кусачие. Стоп! Кажется, сковородка опрокинулась...

4. Мыть посуду — это сущие пустяки! Ее и мыть не надо. Сперва нужно просто языком облизать, а потом подставить под кран, вода всё сама и смоет. Даже сама на пол натечет.

А ВЫ ЭТО Д УМЕ

Вставай, быстро одевайся. Ста

Вот и вкусный завтрак готов!

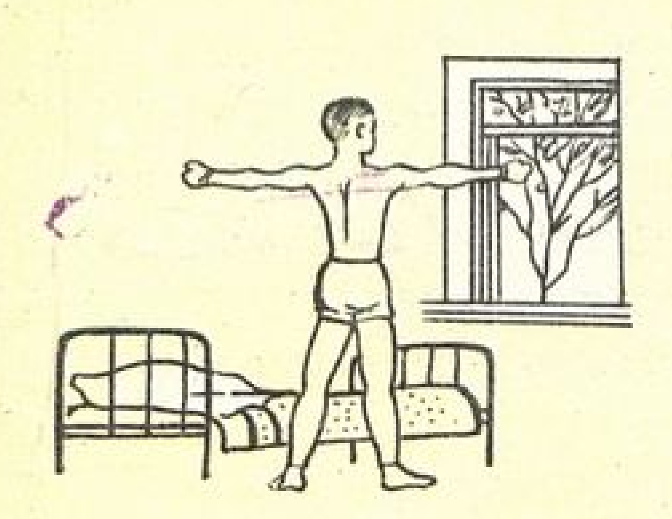

Зашивай всё сам.

Научись делать перевязку.

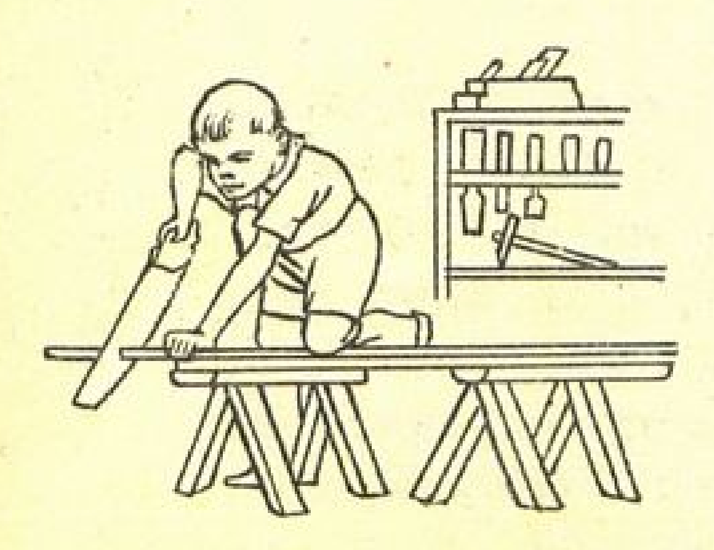
САМИ
ЕЛАТЬ
ЕТЕ?

ановись на зарядку. Потом умывайся.

Мой посуду так.

Работай пилой и молотком.

Девять часов вечера. Пора спать!

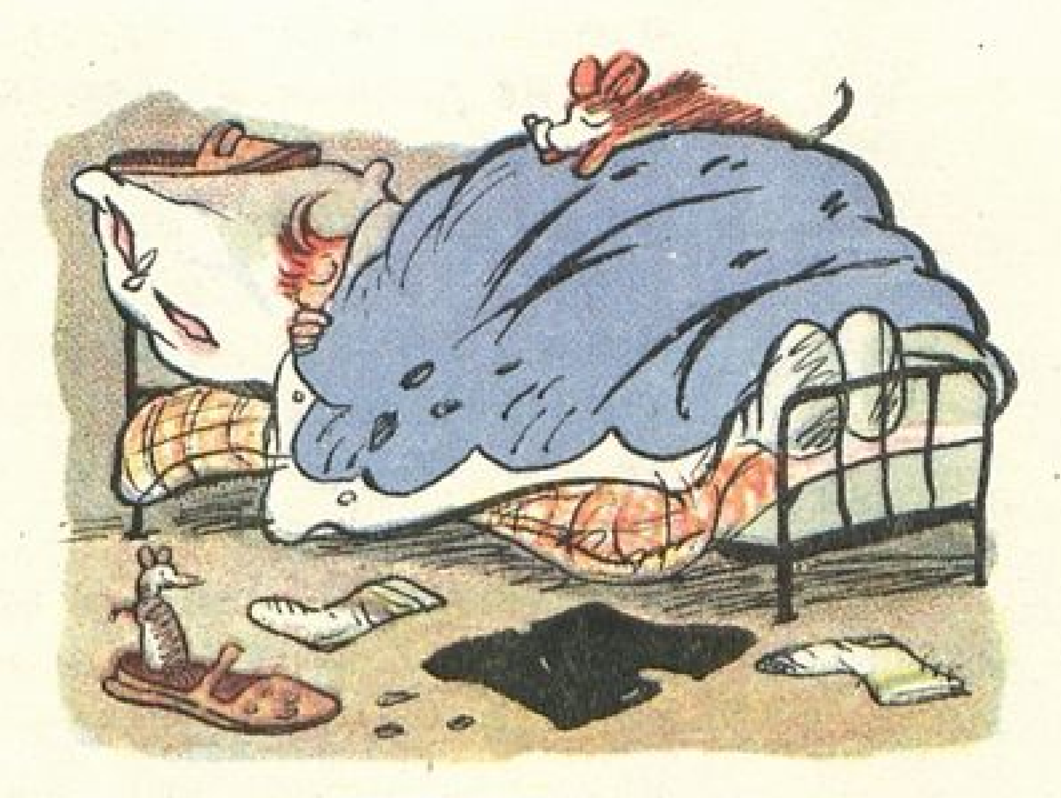
5. Одну минуточку! Штаны порвал... Это мне зашить ничего не стоит — один момент! Взял нитку, надел на нее иголку, ткнул, вытянул... Ой, что это я встать не могу?..

6. Теперь надо поработать. Стану в один миг столяром и плотником. Гвоздь — раз! Молотком — бац! По пальцу... Ой!

7. Я ранен. А Мурзик так из-за меня расстроился, что сам заболел. Тс-с-с... Не шуршите этой страницей. Я не выношу шума. Положите мне грелочку на головочку. Я не могу итти в школу. А это лекарство я пить не стану: оно горькое.

8. Ну, кажется, день кончился. Ура! Здо́рово я сегодня поработал. Пора спать. Накройте меня потеплее. И покажите мне хорошие сны.

Ребята! Неужели вы поверили, что я такой белоручка и неженка, лентяй и неряха, ничего сам не умею делать? Это я нарочно таким прикинулся, чтобы показать, каким не надо быть. А как надо делать правильно, нарисовано в середине. А ВЫ САМИ УМЕЕТЕ ДЕЛАТЬ ТАК?

Рисунки И. Кеша

«ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК»

Вышивала гладью Аня Козлова, 11 лет. Московский городской дом пионеров.

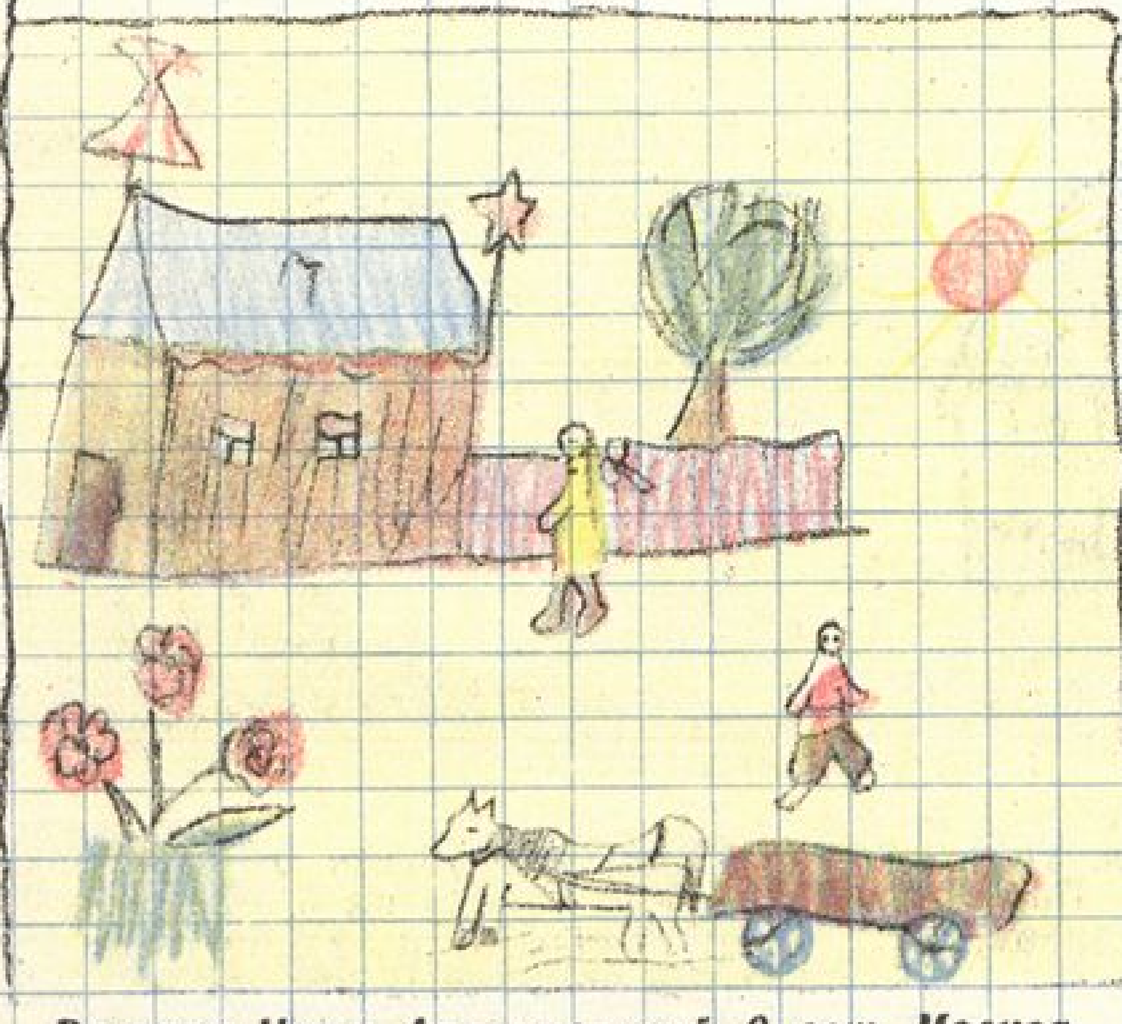

Рисунок Нины Артамоновой, 9 лет. Москва.

ПИСЬМО ИЗ ЛАТВИИ

Дорогие друзья! Я рада, что мы можем с вами переписываться. Я учусь в 5-м классе основной школы в Гарзенесе. Теперь, когда я стала советской школьницей, я учусь еще лучше. Как хорошо теперь стало в нашей школе! Когда кончу ее, буду учиться дальше. Прежде это было бы для меня недоступно: в нашей семье трое детей, родители занимаются землепашеством.

За разговоры о Советском Союзе нас раньше строго наказывали. Мы хотя и маленькие, но всё прекрасно понимали. А теперь мы — счастливые дети свободной Советской Латвии. Нас очень интересует, как вы живете и работаете. Напишите нам.

Привет от всех учеников нашей школы!

Айна Гудакс.

ДЕЛАЮ ПЛАНЕР

Почему девочки не ходят в авиамодельный кружок? В ботаническом кружке девочек много, а у нас тридцать восемь мальчиков, а девочка только я одна. Была еще одна девочка, но ее во вторую смену перевели. А это очень интересно — делать планеры и самолеты. Мы их делаем из дерева и из бамбука, а потом обклеиваем тонкой бумагой, а бумагу красим — очень красиво получается. А теперь я буду делать модель скоростного самолета, может быть и истребитель сделаю.

Когда вырасту, обязательно буду конструктором, буду делать настоящие самолеты. Мне одиннадцать лет, а я уже два года в кружке. Я и дома все время клею. Я из щепочек и из картона делаю куклам мебель — кровати, диваны. Даже комод сделала с ящиками, и ящики все выдвигаются. Я и кукол сама делаю: вырезаю их из коры и шью им платьица. А потом я построю для них пассажирский самолет, и они будут на нем кататься.

Девочки, записывайтесь в авиамодельные кружки!

Нина Баранова, 11 лет. Москва.

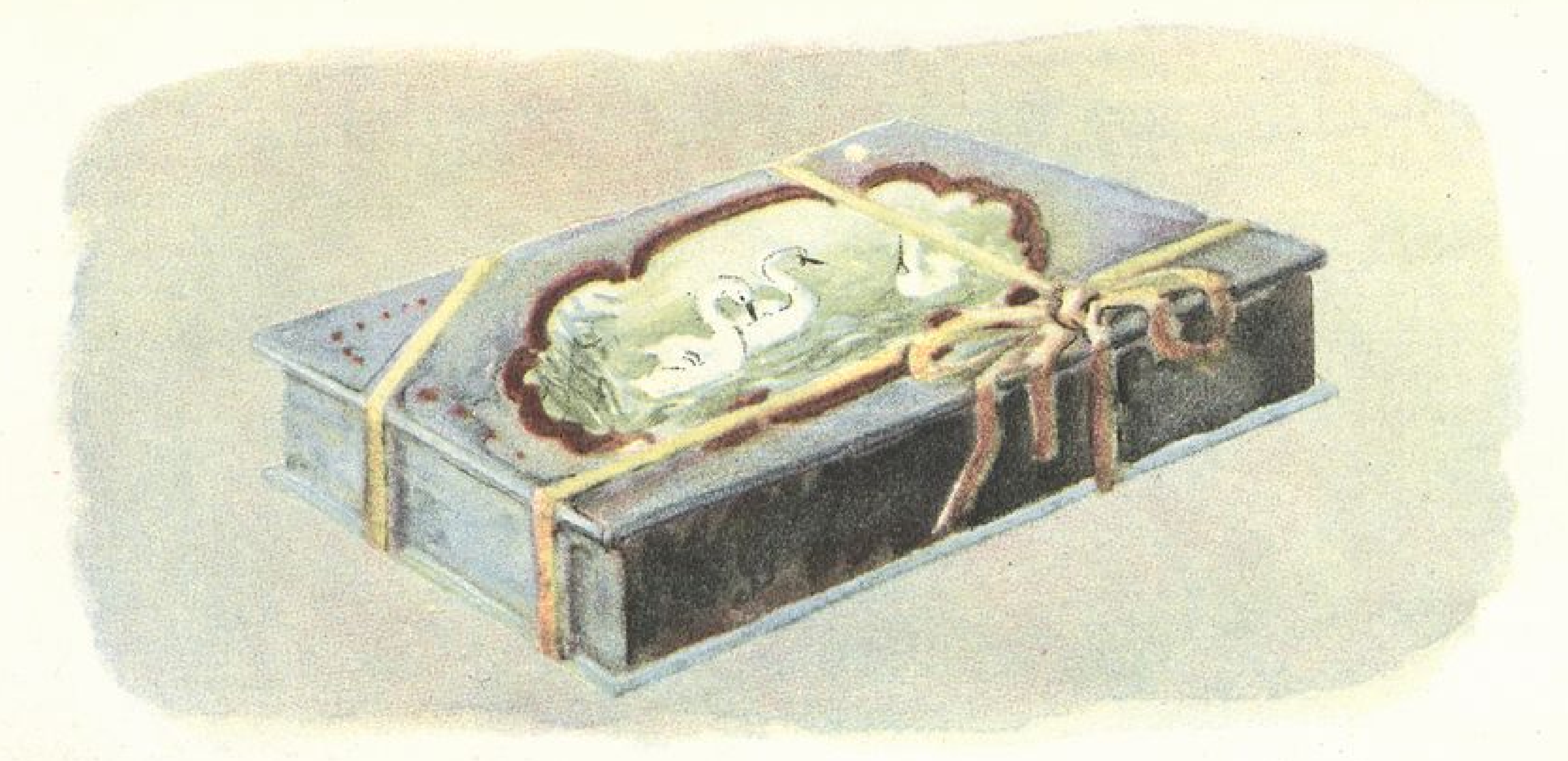
Вера Инбер *Рисунок Л. Елисеевниной*

ТОВАРИЩ ВИНОГРАД

У апельсина кожура
Красней гусиных лап.
На родине была жара,
А ныне он озяб.
Такой тут ветер ледяной,
Что стынут даже сосны,
А он, подумайте, в одной
Обертке папиросной!
Впервые снежных звездочек
Он увидал полет,
Промерз до самых косточек
И превратился в лед.
Покрыт пупырышками весь
Бедняга апельсин;
Он люто замерзает здесь,
Да и не он один.
Вот персик. Он тепло одет,
На нем пушистый ворс,
На нем фланелевый жилет,
И все же он замерз.
А золотистый виноград,
Приехав ночью в Ленинград,
Увидел утром Летний сад
И так был рад ему!
Он видел: статуи стоят,
И думал: «Я в Крыму!
Пройдет еще немного дней —
Загар покроет их».
Раздетых мраморных людей
Он принял за живых.
Но скоро бедный южный гость
Лежал в опилках, весь дрожа,
А холод резал без ножа,
Терзал за гроздью гроздь.

Но в эту же погоду,
На этом же лотке
Антоновские яблоки
Лежали налегке.
Их обнаженной коже
Морозец не мешал,
И было непохоже,
Чтоб кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало винограду
И апельсину: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От нашинских снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пуховиков.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ виноград:
На свете был ученый,
И у него был сад,
Где изучал замашки он
Фисташки и айвы,
Где, главное, заботился
Он о таких, как вы.
Чтоб вы росли и зрели
Под ветром ледяным.
Чтобы суровый север
Казался вам родным.
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мичуриным,
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мои друзья,
И там он держит яблоко
Такое же, как я».

...И сразу встрепенулся,
И, видимо, был рад,
И сладко улыбнулся
Товарищ виноград.

Андрей Шманкевич

Рисунок Л. Захваткина

СИНЯЯ КОРОБКА

Коля долго возился со своим сундучком. Он что-то строгал, сверлил, приколачивал. Вечером показал отцу:

— Открой-ка крышку!

— Что такое? Ты ее, кажется, гвоздями приколотил?

— Нет, это я сделал секретный замок. Смотри!

Коля повернулся спиной к Тане и открыл сундучок.

— Хорошая работа. Только зачем тебе такой замок? Что ты собираешься прятать и от кого?

— Не скажу. Есть от кого и есть что.

— И неправда! — обиделась Таня. — Врет Колька, я у него никогда ничего не брала.

Утром, когда папа ушел на работу, Коля в школу, а мама за керосином, Таня вытащила из-под кровати сундучок. Замка на нем никакого не было — ни внутреннего, ни висячего, но крышка не открывалась. Таня попробовала открыть ножом, но он не пролезал в щелку.

«Что он от меня там прячет?» сердилась Таня. Вдруг она заметила шляпку гвоздя, торчавшего сбоку, нажала на нее пальцем... в середине что-то щелкнуло, и крышка открылась. В сундучке лежали книжки, тетрадки, переводные картинки, цветные карандаши, кусок мела и деревянный наган.

«Тоже запирает! Нужны мне его картинки!..»

Но вдруг на самом дне Таня увидела синюю коробку, перевязанную лентой. На коробке была картинка: зеленый пруд, а на пруду — белые лебеди.

— Как же ему не стыдно! — прошептала Таня. — Конфеты... Сам, небось, ест, а мне... Я же маленькая... Конфеты же всегда маленьким отдают! — возмущалась Таня, разглядывая коробку. И вдруг ей очень захотелось узнать, а какие конфеты — в завертках или просто.

Она осторожно развязала бантик и открыла коробку. Конфеты лежали в четыре ряда, по пять штук в каждом ряду, и каждая была завернута в серебряную бумажку. Теперь Тане захотелось узнать, а какие они — шоколадные или просто. Пришлось развернуть серебро. Конфета была шоколадная, темнокоричневая, с рубчиками...

Тане нестерпимо захотелось узнать, с начинкой они или просто. Пришлось разломить. Ну, а разве с одной конфеты распробуешь, вкусные они или нет. И только облизав пальцы после третьей конфеты, она уверенно сказала:

— Хорошие!

Но тут же Таня поняла, что поступила скверно, и стала раскаиваться:

«Ведь Колька обязательно все маме

расскажет, а мама — папе, а папа не купит елку. И не будет у меня ни елки, ни именин... А всё Колька! Всегда он так подстроит!.. Потому что он меня не любит...»

От раскаяния Таня чуть не заплакала. На душе у нее было горько, так горько, что она... съела еще одну конфету. Но ее продолжала мучить совесть.

«Бедная я, бедная! Что же мне теперь делать?»

И придумала. Слепила из черного хлеба четыре конфеты, завернула их в серебряные бумажки и уложила в коробку.

Хлебные конфеты были так похожи на настоящие, что когда на другой день Таня взяла еще пять штук, одна оказалась поддельная. А на четвертый день, сколько Таня ни искала настоящей конфеты, уже не нашла.

Опять ей стало грустно.

«Как же это выходит? — подсчитывала Таня. — Ведь конфет было двадцать штук, а слепила я девятнадцать, значит там есть одна настоящая».

Но съесть ее не пришлось. Во-первых, ведь Таня раскаялась, а во-вторых, Колю отпустили на каникулы.

Несколько дней Таня с тревогой посматривала на брата, потом ее отвлекли более важные дела. Папа принес елку, и ее нужно было украшать. Нужно было созывать гостей, нужно было напомнить всем, что елка будет не простая, а именинная.

Гостей собралось много. Они поздравляли именинницу, дарили подарки.

Последним дарил Коля. На глазах у всех он открыл свой сундучок и достал коробку с лебедями.

— На! Это я для тебя берег. Я ее выиграл на викторине в детском театре... Только ты и мне дай одну попробовать.

Мама погладила Колю по голове. Папа улыбнулся. Таня поёжилась.

Дрожащими руками она развязала липкий, замусоленный бантик.

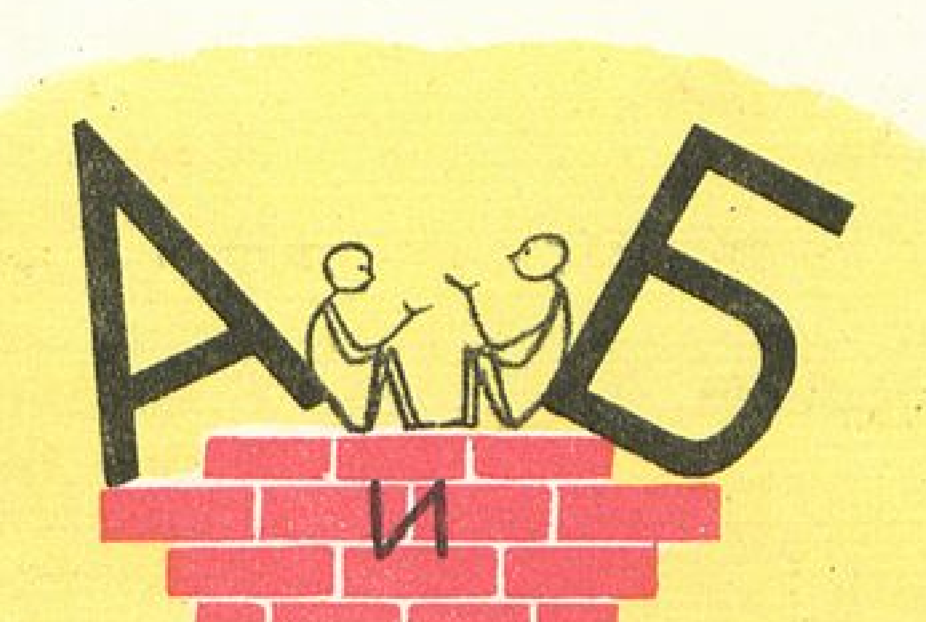
— Ого, какие! — сказал Коля, развернул серебро и сунул конфету в рот.

Таня глядела на него не моргая.

— С начинкой, замечательные!.. Ты только попробуй!

Пришлось попробовать.

«Вот всегда так, — думала Таня, разжевывая черствый хлеб: — одна была настоящая — и та Кольке досталась».

М. Львовский

Как известно, А и Бе,
Засидевшись на трубе,
Тихо начали беседу.
И сказала А соседу:
— Мы здесь, кажется, свои.
Для чего нам, например,
Ве, Ге, Де,
Е, Же, Зе, И,
Ка, Эль, Эм,
Эн, О, Пе, Эр?
Мы заменим весь алфавит —
Нас на целый мир прославят.
Но с тех пор привычкой стало
Говорить о их судьбе:
А упало, Бе пропало,
Что осталось на трубе?

Елена Благинина *Рисунок Е. Афанасьевой*

РУКАВИЧКИ

В прошлом году мы напечатали стихи про маленькую Алёнушку. Теперь Алёнушка выросла, стала ходить, и вот про нее — новые стихи.

Я сидела у стола
И Алёнушку держала.
А она с колен сползла,
Поднялась, на ножки встала,
Пошаталась и... пошла.
Я в ладоши хлоп-хлоп,
А Алёнка — топ-топ!
От стола и до стола
Целых пять шагов прошла
Наша годовалочка,
Утка-перевалочка.
Надарили ей за прыть
Много, что и говорить!
Я связала нашей птичке
К дню рожденья рукавички.
Рукавички новые,
Красные пуховые.
А отец купил шубейку —
Снега белого белей,
Тетка — мягкий шарф на шейку...
И еще купили ей
Для таких веселых ножек
Пару валеных сапожек.
То-то будем щеголять,
Днями целыми гулять!

Вышли мы во двор широкий,
Солнце только что взошло.
За ночь выпал снег глубокий,
Стало всё белым-бело.
Я на снег пустила дочку,
А она бежит вприскочку,
Радуется, дурочка,
Девочка-снегурочка.
Я присела на скамью
И мурлыкаю-пою.
Оглянулась — нет Алёнки!
Где мне дочь искать свою?
Я вскочила и бегу,
А она сидит в снегу...
Белый снег, как белый мех,
Белый мех, как белый снег.
Если бы не рукавички,
Не нашла б я нашей птички.

„Военные тайны“

О. Писаржевский

(Продолжение)

Никто не опоздал. Ровно в десять на зеленой горе собралась вся армия станции Солнечная. Ребята старались держаться по-военному: кушаки были затянуты, у каждого к рубашке был пришит беленький воротничок и ботинки крепко зашнурованы.

— Вольно! — скомандовал лейтенант.

Ребята уселись в кружок. С высокой горы было видно далеко вокруг. Поле, овраг, река, лес, и надо всем — яркое голубое небо.

— Хорошо как! — сказала Люба. — Посмотрите, ребята!

— Ну что смотреть! Чего мы здесь не видали! — Виктор вопросительно взглянул на лейтенанта: ему поскорее хотелось узнать, какая сегодня будет игра.

— Это ты напрасно, — сказал лейтенант. — Здесь есть что смотреть. И как раз сегодня мы будем учиться смотреть. Это дело трудное.

— А мы разве не умеем? — спросили ребята.

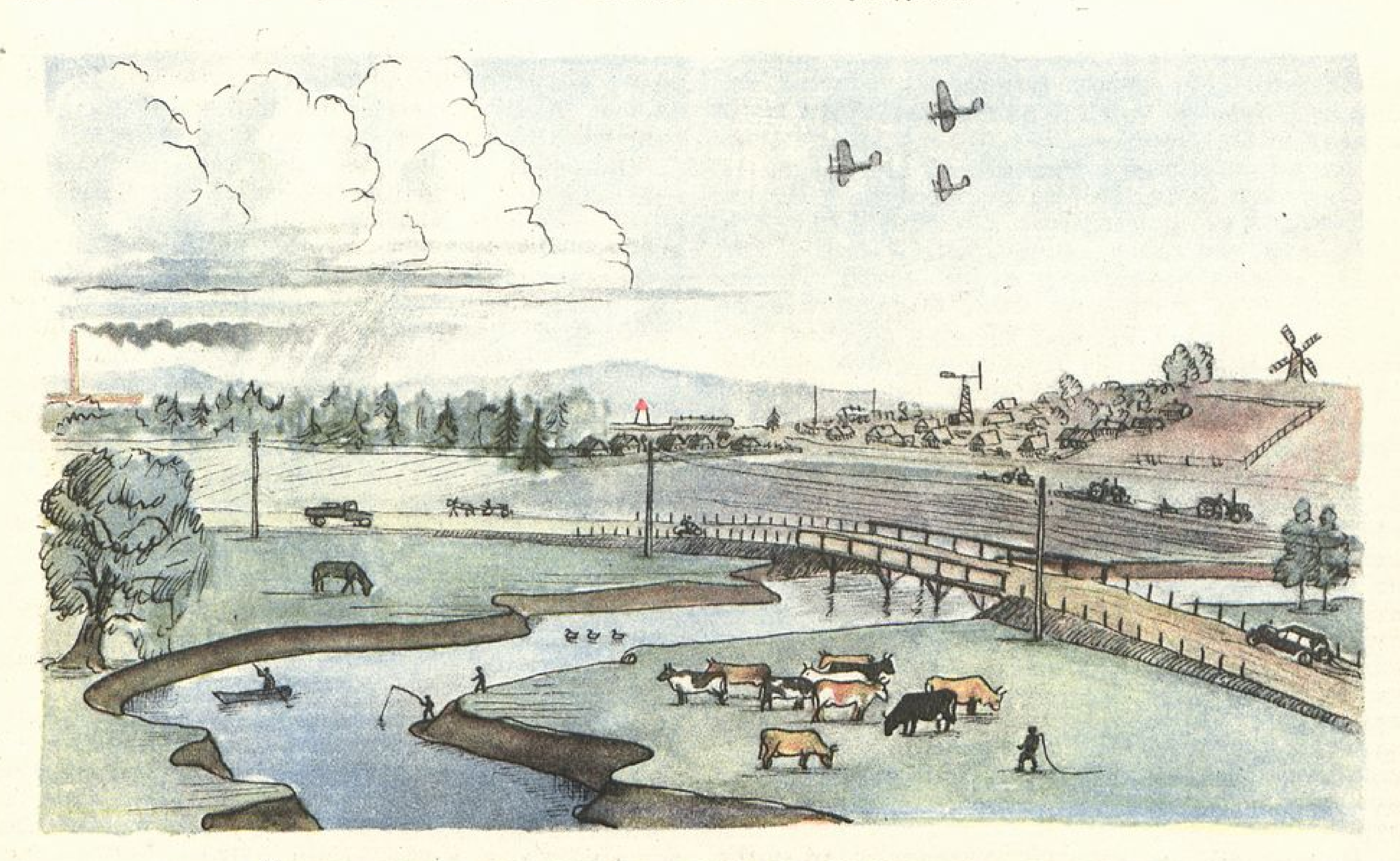
— Вот сейчас и узнаем, умеете или нет. — Лейтенант достал из своей сумки блокнот и роздал всем по листочку. — Карандаши у всех есть?

В армии уже с первого дня был установлен порядок, чтобы у всех были с собой карандаши и перочинные ножи.

Лейтенант посмотрел на часы.

— Даю вам сроку пять минут, — сказал он. — Посмотрите внимательно перед собой, постарайтесь запомнить все, что увидите. По команде: „Готово!“ все бегут вон в ту лощинку и составляют „донесение разведчика“, зарисовывая подробно все, что увидели.

Ребята пристально посмотрели вперед. Вот что они увидели.

Посмотри и ты внимательно на эту картинку целых пять минут.

— Готово! — скомандовал лейтенант, и все бросились бежать вниз.

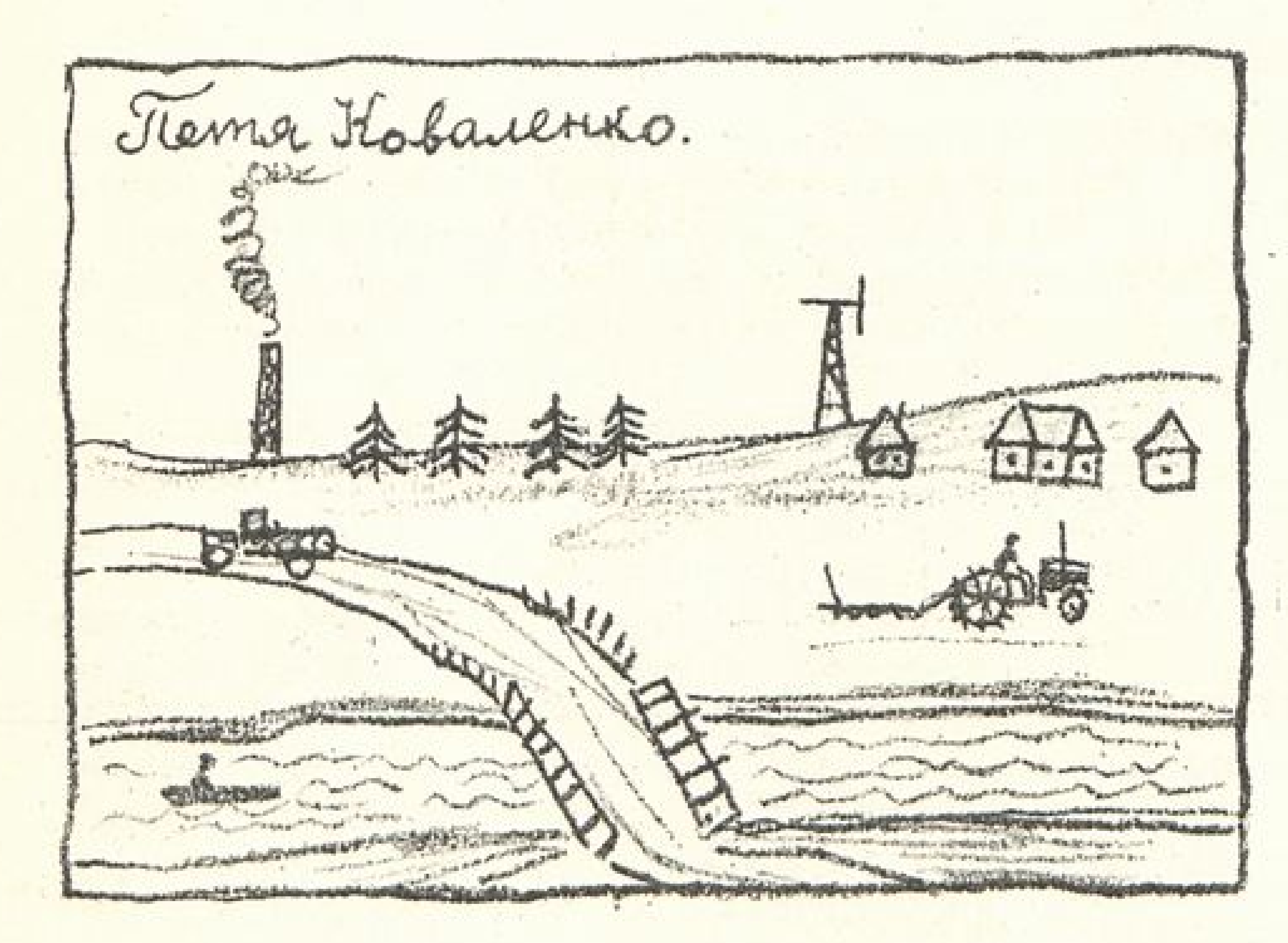
Несколько минут все было тихо. Ребята рисовали.

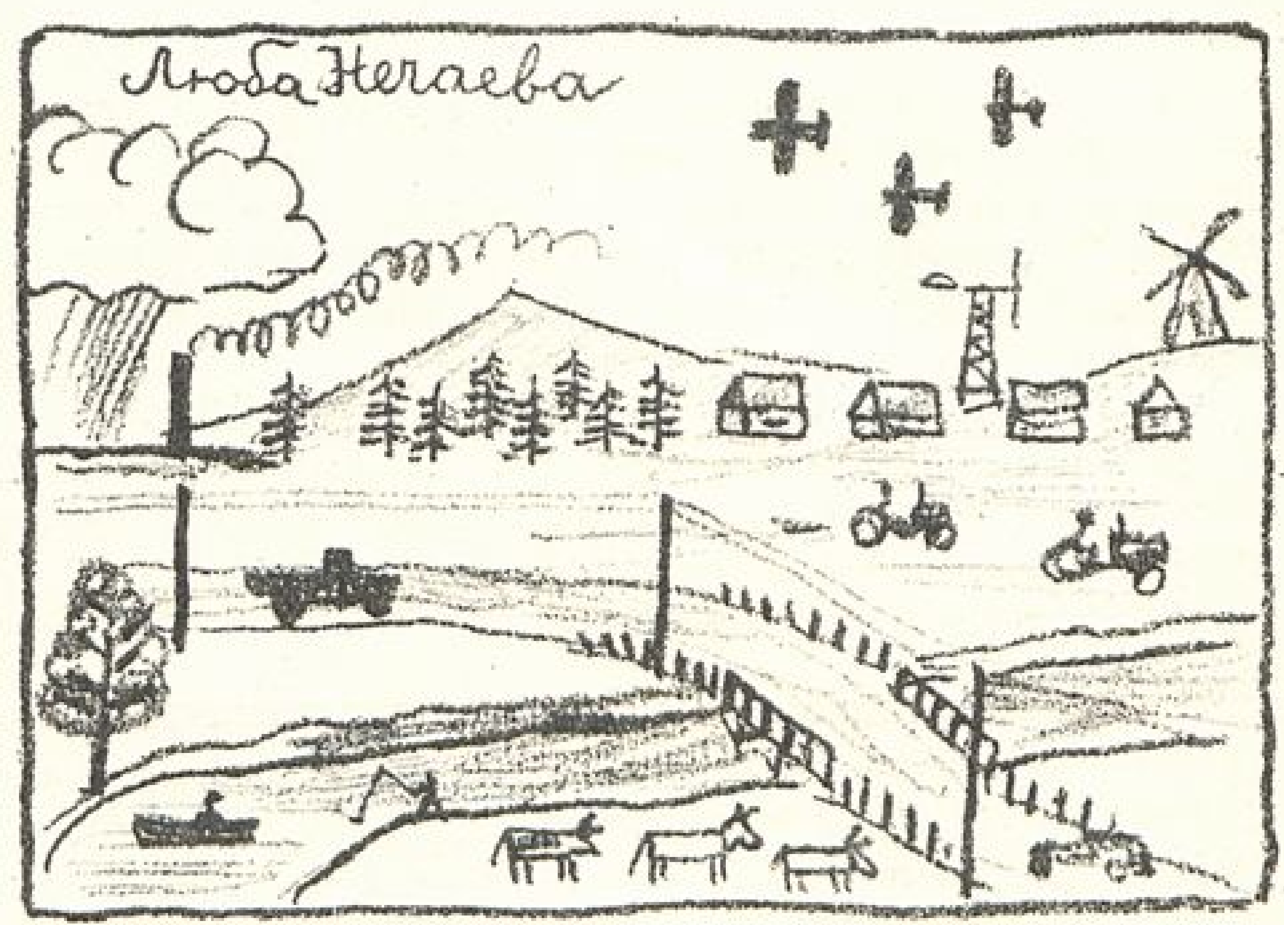
Попробуй, не глядя на картинку, зарисовать всё, что ты на ней увидишь.

— Готово! — еще раз скомандовал лейтенант. — Подпишите свои донесения и доставьте их мне.

Оказалось, что меньше всего подробностей было на Петином рисунке, а больше всего — на Любином.

Посмотри на эти рисунки и сравни с ними свой.

— Смотреть вы еще не умеете, — сказал лейтенант. — Но этому можно научиться. Наблюдательность нужно развивать. Смотрите вокруг себя. Запоминайте дорогу. Запоминайте людей, которые встречаются вам по пути. Проверяйте себя. Посмотри на дом, а потом закрой глаза и вспомни: сколько этажей в доме, сколько окон, какого цвета крыша, из чего сделаны стены, кто стоит возле. Потом открой глаза и проверь. Чем больше будете упражняться, тем меньше будет у вас ошибок. Наблюдательность и зоркость очень нужны на войне. Вот я расскажу вам такой случай.

Одному разведчику поручили найти неприятельский пулемет. Противник был где-то рядом, но его никто не мог обнаружить. Кругом был кустарник, и пулемет был очень хорошо замаскирован. Разведчик внимательно осмотрел местность: пулемета нигде не было видно; но вдруг он заметил, что слева над кустами струится воздух. Так в жаркий летний день струится воздух над пашней, так он струится над самоваром, над костром. Разведчик догадался, что здесь теплый воздух поднимался от пулемета, нагретого выстрелами. Значит, искать нужно здесь. Присмотревшись еще внимательнее, он действительно нашел пулеметчика и метким выстрелом вывел его из строя.

Разведчик не просто развивает остроту зрения. Он учится наблюдать и делать выводы из своих наблюдений. Он знает разницу между взглядом орла и человека. Эту разницу давно еще определил великий ученый-революционер Фридрих Энгельс. Он сказал: „Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла".

Однажды разведчик разглядывал вражеские позиции. В километре от себя он заметил кошку. Кошка сидела и умывалась и была явно очень довольна. „Любопытно!" сказал себе разведчик. На следующий день он снова увидел ту же самую кошку и на том же месте. Разведчик сообразил, что там, очевидно, кошкино жилье. Но для чего нужно было заводить кошку на фронте? Чтобы избавиться от крыс. Где могло быть много крыс? Там, где много еды. У солдат еда неважная. Значит, там должны быть офицеры. Может быть, даже там спрятался неприятельский штаб. Разведчик донес о своих наблюдениях командованию. По кошке открыли стрельбу из тяжелых орудий. И действительно, вскоре снаряды нащупали искусно скрытое укрепление, где были офицеры.

Противник старается всегда как можно лучше запрятаться.

— Мы тоже любим играть в прятки, — прервал рассказ лейтенанта маленький Петя.

— В прятки — это хорошо, — улыбнулся лейтенант. — Только это тоже нужно уметь. Помните, как мы с вами познакомились? Вы спрятались, а я вас сразу нашел. Теперь мы поучимся прятаться. Но это будут военные прятки.

Читай про военные прятки в следующем номере.

Прочитай эту книгу

Ванда Василевская.

Недавно в Издательстве детской литературы ЦК ВЛКСМ вышла книга „Комната на чердаке". В ней рассказано, как жили ребята в панской Польше. В ней рассказано о том, как мужественно боролись за жизнь четверо детей, оставшихся без отца и без матери. Жилось им очень трудно. Но они всегда помогали друг другу и старались помочь тем, кому была нужна их помощь.

Прочитай эту книгу и подумай о ней.

Книгу эту написала замечательная писательница Ванда Василевская. Все свои силы отдавала Ванда Василевская, чтобы освободить свой родной польский народ. За это ее жестоко преследовало польское правительство. Она хотела быть учительницей — ей запретили преподавать в школе. Она стала писать книги — книги эти запрещали, вырезали из них самые яркие страницы, где она рассказывала о тяжелой, безрадостной жизни рабочих и крестьян в панской Польше. Но писательница не сдавалась. Ванда Василевская выступала на собраниях, писала в газетах. Она рассказывала рабочим о преступлениях польского правительства, рассказывала о стране, где вся власть принадлежит рабочим и крестьянам, — о Советском Союзе.

Самая заветная мечта ее была — побывать в Москве, но польское правительство не пускало Ванду Василевскую в СССР.

В сентябре 1939 года, во время войны, когда немцы осадили Варшаву, Ванда Василевская ушла из осажденного города. Она шла на восток, к советской границе. Сотни километров она шла пешком, а ей навстречу двигалась Красная армия.

Теперь Ванда Василевская живет в Советском Союзе, пишет книги для детей и для взрослых. Народ любит и уважает ее и оказал ей самое большое доверие — теперь она депутат Верховного Совета СССР.

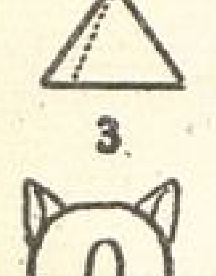
КУКЛЫ ДВИГАЮТСЯ

1

2

3

4

Хотите сделать сами такие игрушки, которые нарисованы на следующей странице?

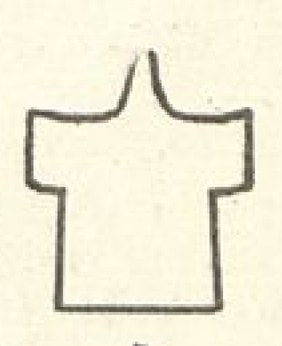
Выкройка кошки очень проста, только надо сделать ее по размеру руки, иначе трудно будет двигать лапами (смотри рисунок 1). Сшейте кошку из фланели, байки или ситца (смотри рисунок 2); спину и уши можно сделать другого цвета. Уши сшивают из двух треугольников, вывертывают и у внутреннего края немного загибают (рисунок 3), а потом пришивают к голове. В голову засуньте немного ваты, сшейте из материи наперсток по размеру указательного пальца и, вставив в голову, пришейте наперсток к шее (рисунок 4). Вместо глаз пришейте пуговицы, зрачок нарисуйте тушью или краской; вместо носа пришейте кусочек материи или фетра или вышейте его нитками, а усы сделайте из толстой нитки, только сначала смажьте ее слегка клеем или натрите воском.

Для узбекской девочки надо сшить платьице по руке, на которую надевается головка (рисунок 5). Чтобы слепить ее, сверните трубочкой кусок картона и натрите его тонко на терке. Две части этой массы (по весу) и одну часть талька пополам с мелом смешайте с жидким столярным клеем и прибавьте несколько капель лака. Вымесив хорошенько полученную массу, обмазывайте ею скорлупу от куриного яйца с отбитым острым кончиком (рисунок 6). Наложив первый слой толщиной в полсантиметра, подсушите его и потом лепите лицо. Глаза лучше всего делать из блестящих пуговиц и вставлять их, пока масса не застыла.

Когда головка высохнет, раскрасьте ее масляными красками.

Тюбетейка у нашей девочки сшита из четырех кусков материи (рисунок 7) и приклеена к голове; к ней пришиты шерстяные нитки — косички. Чтобы голова крепко сидела на пальце, вклейте в нее бумажный патрончик (рисунок 8).

Такие куклы, надетые на руку (указательный палец — в голову, средний и большой — в руки), двигаются, как живые.

5

6

7

8

ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В ЖУРНАЛЕ № 12, ПРИСЛАЛИ: Люся Никифорова (Ленинград), Феликс Филимонов (Ростов-на-Дону), Женя Шитова (Люблино), Леня Гершгорн (Харьков), Валя Кирсанова (Москва), Лена Славина (Гомель), Люба Осокина (г. Серов).

17 Цена 1 рубль

Н. Найденова *Рисунок И. Бек*

Чтобы сделать этих кукол,
Мы трудились целый день.

Как живые станут куклы,
Только нá руки надень.

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. Г6-12-60.

Ответственный редактор **В. И. Семенов.**

Подписано к печати 13/II 1941 г. Объем 2,5 печ. л., в 1 печ. л. 32 000 знаков. (2,8 уч.-изд. л.)

А33620. Заказ № 120. Тираж 250 000. Цена 1 рубль.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.